

УДК: 81'42

Станислава Антоновна Королевич¹, Ольга Сергеевна Мельник²
¹канд. филол. наук, доц., доц. каф. общего и русского языкознания
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
²магистрант филологического факультета

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
Stanislawa Korolevich¹, Olga Melnik²
¹Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics
of Brest State A. S. Pushkin University

²Master's Student of the Faculty of Philology
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: ¹stak54@mail.ru; ²melnikolja@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ИРИНЫ САМАРИНОЙ: ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Статья посвящена описанию языковой личности и выявлению лингвоперсоналогических характеристик Ирины Самариной как представителя современной сетевой поэзии. На основе изучения избранных поэтических текстов охарактеризованы основные образы индивидуальной поэтической картины мира автора, их организация в лингво-когнитивном пространстве поэтессы. Определены ценностные приоритеты языковой личности Ирины Самариной. Выявлены особенности текстового воплощения ведущих концептов (обобщенность представления, типичность тропов, включение прецедентных образов). Описаны коммуникативно-прагматические потребности (информационная, воздействующая и контактоустанавливающая) названной языковой личности, рассмотрена специфика текстового представления коммуникативных установок поэтессы (публицистичность, императивные конструкции, речевая мимикрия). Констатируется зависимость лингвоперсоналогических характеристик языковой личности поэтессы от экстралингвистических факторов. Установлены особенности языковой личности Ирины Самариной как поэта и как представителя массовой литературы.

Ключевые слова: языковая личность, когнитивное пространство, мотивационный уровень, вербализация картины мира, лингвоперсоналогические характеристики.

Linguistic Personality of Irina Samarina: Linguopersonological Characteristics

The article describes the linguistic personality of Irina Samarina as a representative of modern network poetry and identifies her linguopersonological characteristics. Based on the study of selected poetic texts, the article characterizes the main images of the author's individual poetic world view, their organization in her linguo-cognitive space. The value priorities of the linguistic personality of Irina Samarina are determined. The features of the textual embodiment of the leading concepts are revealed (generalization of the presentation, tropes' typicality, inclusion of precedent images). The communicative-pragmatic needs (informational, influencing and contact-establishing) of the linguistic personality are described, the specifics of the textual representation of the poet's communicative attitudes (journalism, imperative constructions, speech mimicry) are considered. The article states the dependence of the linguopersonological characteristics of the poet's linguistic personality on extralinguistic factors. It establishes the features of the linguistic personality of Irina Samarina as a poet and as a representative of mass literature.

Key words: linguistic personality, cognitive space, motivational level, worldview verbalization, linguopersonological characteristics.

Введение

Еще полвека назад Э. Бенвенист писал, что именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект [1, с. 293]. Проявления человека в языке и речи многообразны. Это интеллект, мировоззрение, са-

мосознание, ценностные ориентации, потребности, мотивы деятельности, способности, социальные роли, особенности национального характера, продукты творчества, темперамент, эмоции, манера общения и др. Они индивидуальны для каждого человека и

при этом динамичны, поскольку каждый из людей живет в нестабильном, сложном и неоднозначном мире.

В наше время важно, чтобы науки о человеке развивались, по выражению А. Г. Асмолова, не «в куст», а «в ствол» [2, с. 22]. В отношении к лингвистике речь идет о необходимости обоснования новых теоретических направлений в изучении человека в языке и через язык. Одним из таких направлений является лингвоперсонология – наука, предметную область которой формирует всестороннее представление о языковой личности.

Это направление активно разрабатывают Ю. Н. Караулов, сформулировавший учение о языковой личности и ее структуре [3], В. П. Нерознак, обосновавший термин «лингвоперсонология» [4, с. 115], Н. Д. Голев, возглавивший одну из научных школ по изучению теории языковой личности [5], Г. П. Григорьев, исследующий взаимосвязи психологического типа личности и языковой личности [6], и др. Однако верификация имеющихся научных наработок, проверка их эффективности на эмпирическом уровне все еще необходимы. Остаются актуальными лингвоперсонологические исследования с выходом на изучение конкретной языковой личности, особенно если говорить о представителях сетевой поэзии – сложного и недостаточно изученного явления XXI в.

Поскольку основным пространством производства и функционирования художественной продукции в современной культурной ситуации является рынок, то сейчас литература ориентируется на вкусы усредненного носителя культурных норм [7, с. 3]. Такую литературу называют массовой. Ей издавна присущи два взаимно противоречащих признака: она является известной, читаемой, распространенной в определенном коллективе, и при этом шаблонной, нетворческой, лежащей вне господствующих литературных форм [8, с. 819]. Вместе с тем именно массовая литература, в т. ч. сетевая поэзия, выступает важнейшей составляющей актуального литературного процесса.

В нашей статье мы обратились к языковой личности Ирины Самариной, популярного в интернет-сети поэта, чье творчество тоже относится к массовой литературе.

Целью статьи является установление лингвоперсонологических характеристик

языковой личности И. Самариной на основе изучения ее текстов.

Задачи статьи – охарактеризовать лингвокогнитивное пространство и коммуникативно-прагматические установки языковой личности Ирины Самариной, установить особенности их текстового воплощения, определить лингвоперсонологические черты этого автора и обуславливающие их факторы.

Основная часть

Ирина Самарина (псевд. *Самарина-Лабиринт*), по оценкам посетителей сайта *Ремата.ru*, на котором собраны лучшие стихотворения 1 030 поэтов XXI в., входит в первую десятку самых читаемых авторов. К сорока годам поэтесса опубликовала пять сборников, имеет в социальных сетях более 240 тыс. подписчиков. Ее стихи, представленные на YouTube-канале в виде аудио- и видеофайлов, исполняемых российскими актерами (Н. Михалков, М. Калужских), телеведущими (В. Глазунов), популярными чтецами, насчитывают более трех миллионов просмотров и прослушиваний. Творчество И. Самариной находит несомненный отклик у массового читателя: в многочисленных отзывах, помещенных на ее сайте, подчеркивается, что поэзия Самариной «искренняя, честная, человеческая»; стихи отмечены «глубоким переживанием жизни и всех ее парадоксов», написаны «простым и понятным всем слогом», а главное, «они все настоящие, живые, о нас с вами». Следовательно, об этом авторе можно говорить как о языковой личности. Индивид, по мнению психологов, становится личностью, когда акцентируется его переход «от бытия в мире и в себе к бытию в другом человеке», означаящему «для этого другого... внутреннее соединение со значимой личностью» [9, с. 27]. А «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык» [3, с. 38].

Из более чем 1 700 стихотворений И. Самариной [10] мы избрали для исследования около 60 поэтических текстов разной тематики. Эти стихи репрезентативны для изучения языковой личности поэтессы, отражают ее социальную позицию, оценки и лингвокреативный потенциал, а также характеризуют «потребителя» ее текстов.

В структуре языковой личности выделяют вербально-семантический уровень – владение естественным языком; когнитивный, единицами которого являются концепты, образующие индивидуальную картину мира с ценностными ориентирами конкретной языковой личности; прагматический, включающий мотивы и цели личности, управляющие ее речевым поведением (текстопроизводством) [3, с. 36–37]. Эти уровни всесторонне представляют языковую личность и при этом взаимосвязаны, т. к. когнитивное пространство и коммуникативно-прагматические установки языковой личности объективируются средствами вербально-семантического уровня.

На первом (лингво-когнитивном) уровне Ирины Самариной выступают ее мировоззренческие установки, интеллект и ценностные приоритеты. Личностное мировосприятие Самариной формируется на основе концептов «Человек», «Природа», «Бог», совпадающих с русской базовой моделью мира. Эти константные образы русской культуры, в которой воспитана поэтесса (она родилась в СССР, училась в русской школе, пишет на русском языке), обусловлены этнокультурными факторами: восточные славяне представляют человека живущим на земле, неотделимым от природы, но соизмеряющим свое бытие, надежды и стремления с высшими силами, с Богом более тысячи лет.

Поскольку Самарина живет в разрываемой политическими противоречиями Украине, то на ее художественную картину мира влияют социокультурные особенности современного поэтессе общества (становление капиталистического строя и его ценностей, засилие Интернета, события «майдана», «ностальгия» по СССР и др.). Они формируют у автора особые стереотипы восприятия мира, задают темы ее стихотворений (циклы «Виртуальные страсти», «Революция в моей стране» и др.). Выразительны в этом плане концепты, образующие хронотоп модели мира Самариной в целом. Пространство для поэтессы – это ее дом, родная Полтава, шире – вся Украина и уже переставший существовать СССР, который Самарина считает Родиной. Время – прошедшее, идеальное для автора в силу преобладания духовных идеалов; настоящее, требующее кардинальных перемен в нравствен-

ных ориентирах общества, и будущее, о котором необходимо заботиться ради счастья детей, сохранения мира, утверждения идеалов любви и добра.

В индивидуальной картине мира Ирины Самариной приоритетными являются образы «Любовь», «Семья», «Женщина», «Вера в Бога», соотносимые с константой «Человек». Они обусловлены гендерными, биографическими и этическими факторами. Поэтесса оценивает мир с позиций женщины, жены, матери, христианки. Высшая ценность для нее – вера в Бога. Материальные ценности – это любимый город и прекрасная природа. Ценности социальной жизни – семья, родные, дети, родители, муж. Чаще всего поэтесса обращается к ценностям духовной жизни. По ее убеждению, это любовь, готовность всегда прийти на помощь, доброта, щедрость, неравнодушие. В конечном счете Самарина строит на концепте «Любовь» свое творчество. Это не только любовь между мужчиной и женщиной, но и любовь к семье, к родной стране, к Богу, ко всем людям. Заявленная позиция импонирует не только женской, но и мужской читательской аудитории и обеспечивает востребованность творчества поэтессы у массового читателя.

Образы индивидуальной поэтической картины мира И. Самариной объективируются с помощью лингво-когнитивных структур, которые определяются особенностями самосознания и способностями этой языковой личности. Концепт «Человек» в модели мира Самариной – это и она сама, и ее лирическая героиня, и адресаты ее произведений, и объекты ее наблюдений и оценок. Ядром номинативного поля, эксплицирующего этот концепт, являются обозначения лица, условно образующие несколько концентрических кругов. В центре – сама поэтесса или ее лирическая героиня: *я, женщина, мать, жена, девочка (Я – женщина... И я должна спасать / Заботою, любовью, добротой («Мое богатство – добрые слова...»))*. В ближнем к центру круге – люди, обозначенные лексемами *мы, ты, вы, она, муж, мужчина, сын, дочка, дети, друзья*, т. е. ее близкие и единомышленники (*Впервые живем, оттого неумело / Мы ищем любовь и покой... («У счастья и боли завидные роли...»); Она бежит по жизни, как по стеклам («Она бежит по полю из*

ромашек...»)), а также адресаты стихотворений (**Вы порадайтесь душою за успех... / Вы поплачьте над чужою – над бедой** («Живи и не суди»)). В периферийном круге названы те, кто выступает объектом ее наблюдений и оценок: *соседка, дяденьки, тетя Катя, Сашка, Петровы, Смирновы, они, один, другой, люди, народ, каждый* и др. (Теперь **Петровы** еле выживают, / А у **Смирновых** новый самолет («Я сделана с любовью в СССР ...»)). Из этого следует, что самосознание Ирины Самариной ориентировано на весь объективный мир, частью которого она осознает и себя. Автор принадлежит к экстравертам, у которых все психические процессы направлены на внешние события и явления, она активно взаимодействует с миром, открыта для него, изучает, оценивает в этом мире себя и людей, постоянно делает обобщения. Слова обобщенной семантики (*один, другой, кто-то, люди, народ, муж, жена* в значении 'мужья', 'жёны') служат у Самариной представлению типических для современного социума ситуаций и человека в них. Вместе с тем наличие таких лексем обусловлено и жанровой принадлежностью текстов, поскольку в поэзии слово может наполняться смыслом в контексте, сравним: **Она читать уже умеет даже...** (она = девочка); **Она бежит за сыном и хохочет...** = (она = молодая женщина).

Временные и пространственные координаты картины мира Самариной репрезентируются номинативным полем концепта «Природа». В идиолекте поэтессы природа представлена во всех своих стихиях и в противоречивых явлениях. Вода – это *дождь, ручей, речка*, но есть и *лужи*. Земля – *поле из ромашек, летние травы, сирень, нежные фиалки* и др., но есть и *выжженное поле, асфальт, песок*. Стихия огня – *солнце, лучи, радуга, луна, звезды*, но есть *черные лучи, тьма*; стихия воздуха – *ветер, небо, облако*, но и *тучи*. С использованием номинаций природы у Самариной наиболее часто связано образное представление мира, выразительно раскрывающее ее творческие способности. Это резонатор чувств поэта (**Ветер с сиренью целуется, / Локоны гладит пушистые... / Шепчет про помыслы чистые...** («Май – озорной и чарующий...»)) и **Солнце светит лучами черными / И сжигает надежд росток** («Стали

злыми творцы и гении...»)), эталон гармонии, исцеляющая сила.

Еще одна константа поэтической картины мира И. Самариной – концепт «Бог». Для поэтессы образ Бога – образец любви (*Самое главное в жизни зовется Любовью... / Можешь не верить, но этим командует Бог* («Это когда...»)), доброты (*Я росла сорняком среди роз, орхидей и нарциссов, / Но Садовник с небес поливать добротой не забыл* («Я росла сорняком ...»)), мерило нравственности, высший судья (**Бог осудит / За алчность и за лень людей** («Послание самим себе»)), символ надежды, веры в победу добра: *Сильных людей сам Господь поднимает / Из завистью вырытых ям...* («А сильные люди ломаются тихо...») и др. Названный концепт представлен номинативными (*Бог, Господь, Всевышний, Он*) и образными лексемами (*Отец, Садовник с небес, небо, небеса*). Периферия концепта выражена словами *псалом, молитва, крест, грех, помилуй, спаси* и др. Бог в восприятии Ирины Самариной вездесущ, он участник повседневной жизни людей: **Бог ходил, смотрел и улыбался, / Когда сердца влюбленные встречал**. Однако поэтесса подчеркивает, что в прагматичном современном мире даже к Богу отношение стало потребительским: *Сегодня Бог проснулся на рассвете. // Огромный ящик с просьбами у ног... // А рядом лишь один без просьб конвертик: / «Благодарю за все тебя, мой Бог!»* («Сегодня Бог проснулся утром рано...»).

Анализ способов текстового воплощения когнитивных структур у Самариной, позволяет говорить, что поэтесса принадлежит преимущественно к мыслительному психологическому типу. Приведем контекст: *Я старомодна... Мне нравятся платья до пяток, // Честь и застенчивость, и медицина без взяток... / Добрые песни, подарки своими руками... / Чувства навек и, конечно, венчание в храме...* («Я старомодна...»). Все образы здесь строго логические: автор обосновывает исходный тезис о собственной приверженности ценностям прошлого. Средством создания образа здесь становятся самые обыкновенные, так называемые безобразные слова, получающие смысловые приращения разного объема. В приведенном контексте содержание лексем, называющих реалии и понятия прошлого,

включает лингвокультурные эмоционально-оценочные компоненты. Они «учтены» автором и понятны читателю, ибо закреплены в семантике слов (*честь, застенчивость*), поддерживаются контекстом (*добрые песни, чувства навек, венчание в храме*). В итоге передается и необходимый смысл, и выразительность стиха.

Вместе с тем психологический тип Ирины Самариной, как и любой личности, определяется неоднозначно: ей свойственны и черты интроверта, а также воображение, интуиция, чувства. В ее текстовом пространстве не однажды встречается тропическое воплощение ведущих образов картины мира. При этом автор ориентируется на готовые металоогические средства: разговорные зооморфные метафоры (*лошадь* 'женщина, замученная домашними хлопотами', *козлик* 'подлый и неприятный человек'), сленговые фитонимные (*перец* 'позер'), антропоморфные (*бунтарь* 'призывающий к решительным действиям, к перевороту'; *буддийский мудрец* 'невозмутимый человек', *шут* 'притворно сочувствующий человек') образы. Нередки прецедентные номинации, отсылающие к сказкам или к известным литературным произведениям: *синяя борода, принц, принцесса, лягушка* (аллюзии на персонажей зарубежных и русских сказок), например: *Каждая лягушка хочет стать принцессой // Только и принцесса может стать лягушкой, // Если принц заветный убежит с подружкой...* («Ангел наши мысли пишет на листочек...»); *Гнилой герой прокисшего сюжета...* (отсылка к цитате «Герой не моего романа» из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума») в тексте «Козлика, пасущимся в сети...»). Включение готовых образов характерно для текстов массовой литературы.

Как принято в поэзии, Самарина часто предметом образного представления человека избирает жизнь его души. «В человеке бесценна душа, / Но так мало души в нашем теле», – констатирует поэтесса. В ее текстах лексема *душа* реализует традиционные значения 'нематериальная сущность человека, сотворенная Богом', 'ипостась личности, противопоставленная телу', 'внутренний мир человека'. Эти штампы русского национального сознания выступают в устойчивых выражениях, ставших своего рода языковыми штампами. Самарина

использует такие стандартные образы, утверждая ценность семьи и дружеских отношений, человеколюбие и взаимоуважение (*Горе не сломает... / То, что создавали родственные души; Принимай кого угодно, / Кто душой обнимет...*; *Сострадание, веру, терпение / Нужно просто в душе отыскать*, а также: *свет души, душой расцветать, прощать душой* и др.).

Однако поэтесса создает и собственные образы с компонентом *душа*. Так, анализируя духовный кризис в обществе, живущем по законам рынка, Самарина констатирует, что душа изранена (*Заразите меня амнезией, / Чтоб не помнить порезы души*), утратила чистоту (*в душе натоптали немало*), страдает (*от всех обид душой седеет*) и т. п. Интересно характеризуют языковую личность Самариной ее метафоры, построенные с использованием актуальных реалий: *Капитализм – он души покупает, / А после за бесценок продает* («Я сделана с любовью в СССР...»); *Курс души обвален за одно мгновенье* («Вещи дорожают... Люди дешевеют...»); *Это солнце* [с черными лучами] – *лишь отражение / Зашлакованных душ людских* («Стали злыми творцы и гении») и др. Они, с одной стороны, выразительны и экспрессивны, что говорит о творческих способностях автора, с другой – в поэтическом языке представляются не совсем уместными, диссонансными по стилевой окраске. Вместе с тем у Самариной отмечено немало хороших, добротных индивидуально-авторских образов: точных (*Качели радости и горя – это жизнь; Сострадание – ручей с живой водой...*); красивых (*Май – воплощение нежности; Вечер – глоток безмятежности*); поэтичных: *А там, на облаке, звезда сидит, качаясь; А если на радугу с неба смотреть, то вдали / Увидим мы четко цветную улыбку земли...*); экспрессивных (*Мы уже и с трубой подзорною / Не заметим несчастных глаз...* и др. Это свидетельство ее несомненной одаренности. Как правило, в ее образах обычно нет надуманности. Типичны в этом плане метафоры в стихотворении «Счастье на свете бывает»: *Это оно в небе радугу ярко рисует. // Это оно, провожая, вас в щеку целует; Это оно по ресницам проводит лучами...*; *Это оно светлым ангелом сзади плетется* и т. д. Такое понимание счастья знакомо каждому.

На мотивационном уровне языковой личности Ирины Самариной реализуются коммуникативно-прагматические потребности, к которым относят информационную, воздействующую, контактоустанавливающую [11, с. 50]. Информационная потребность Самариной осознается ею как особая миссия – показать читателю несовершенство современного ей общества и человека (*Я взвалила себе на плечи / Ту ответственность, что за всех* («Расцветать в унисон с весной...»)). Противоречий, на взгляд Самариной, полон мир людей (*Один ворчал на всех вокруг полвека, / Другой любил весь мир... за солнца свет* («Два абсолютно разных человека...»)); *Кто-то за идею и семью воюет... // Кто-то из генштаба званиями торгует...* («Вещи дорожают... Люди дешевают...»)), и каждый человек (*Рождается с большим и добрым сердцем. Оно с годами меньше и черствей* («Про качели...»)), и она сама (*Я – женищина, а значит, я – слаба. // Я – мать, и, значит, я сильнее всех* («Мое богатство – добрые слова...»)); *Я хочу научиться молиться... // И... стрелять научиться хочу* («Научиться бы вовсе не злиться...»)) и др. Поэтесса отчетливо обозначает в своей картине мира два полюса – добро и зло. Не случайно когнитивные структуры в ее текстах часто обозначены существительными, называющими этические понятия. Полюс добра – это *любовь, радость, счастье, сострадание, доверие, правда, истина* и др., полюс зла – *равнодушные, пошлость, цинизм, предательство, аморальность, зависть, ложь* и т. п. Концентрация таких обозначений в текстах Самариной очень велика, благодаря чему ее мысли обретают констатирующую форму: *Доверие – очень нужно / ...Поддержка – терпенье, дружба. // А что между ними? – Свет!* («У счастья и боли завидные роли...»). И здесь же противопоставление: *От злости придет похмелье... // У подлости друг – обман. // Отчаянье – преступление. // А что между ними? – Тьма.* Так же активно поэтесса использует для этой цели глаголы. Показательны заголовки ее текстов: *«Вещи дорожают... Люди дешевают...», «Видела слезы и смех...», «Радость любую беду победит...»* и др. Особенно идиостилия поэтессы можно считать активное использование антонимов, а самым характерным приемом представления

мира – антитезу: *Мир так устроен: / Раз – взлет, а паденье – сто раз* («У счастья и боли завидные роли...»)).

Причины кризиса в обществе Ирина Самарина видит в недостатке доброты (*Дефицит доброты – это главная в мире проблема* («Дефицит доброты»)), в пренебрежении общества к духовным ценностям (*Люди дешевают, вещи дорожают... // Просто бездуховность в мире процветает*), в стремлении людей к обогащению (*Были бы финансы... Доброты не надо*), в поклонении вещам (*Кому-то за счастье айфон номер семь / Кому-то, чтоб жили родители...* («Я все еще верю в хороших людей...»)). Каждым стихотворением поэтесса стремится воздействовать на читателей, чтобы призвать их к улучшению мира и самих себя. Воздействующая коммуникативно-прагматическая потребность в наибольшей мере определяет специфику мотивационного уровня языковой личности Самариной, придает ее поэзии публицистический характер. Выразительными языковыми маркерами этой потребности является использование глаголов в императиве: *Любите не вещи, а близких людей* («Я все еще верю в хороших людей»); *Знай, что Бог всегда по силам крест дает!* («Ты просто в сердце загляни...»); инфинитива, косвенно выражающего значение повелительного наклонения: *Пора отпустить из души – да на волю / Весь ворох обид и тоски...* («У счастья и боли завидные роли...»); конструкций с модальными словами *нужно, необходимо, следует, нельзя*: *Сострадание, веру, терпение / Нужно просто в душе отыскать* («Это главный сегодня рецепт...»); *Душу нельзя одолжить...* («Счастливых людей в этом мире не много...») и др. Публицистичность И. Самариной иногда переходит в авторский дидактизм, моралистические сентенции: *Не мы выбираем, а нас* («У счастья и боли завидные роли...»); *И мой совет – поменьше надо / Других в несчастьях обвинять* («Послание самим себе...»); *Мы не живем, а спешим* («Видела слезы и смех...») и др.

Такие прямые «рекомендации» представляются далекими от лирики, но все равно находят отклик у массового читателя, потому что в текстах Самариной отчетливо реализуется ее контактоустанавливающая (фатическая) коммуникативная потреб-

ность. Поэтесса находится в постоянном диалоге с читателем, ее стихи часто возникают как отклик на привычные выражения. Так, в стихотворении «Счастья на базаре не купить...» Самарина рисует противоречащую заголовочной сентенции метафорическую картину: *Пойду, схожу за счастьем на базар... / А после в супермаркет, за удачей...*; просит взвесить «грамм сто **совети**», спрашивает, есть ли «**средство от жалости**», продается ли дружба «**поштучно или на вес**» и т. п. Перечисление этих понятий как «товаров» выразительно само по себе, потому что речь идет об отсутствии нравственных обязанностей, чувств и отношений в современном обществе. Так Самарина побуждает читателя понять, что истинные ценности человеческой жизни – то, что не продается.

Особенности языковой личности Ирины Самариной обнаруживаются и при изучении нулевого уровня ее личности. Поэтесса говорит со своим читателем на одном языке. Это выражается в использовании слов, связанных с реалиями и понятиями нового времени (*айфон, бонус, бренд, гаджеты, селфи, комменты, лайки, посты*), с развитием цифровых технологий (*ник, сеть, виртуальный, онлайн, в реале* и др.). Такие слова воспринимаются как прозаизмы, но в условиях контекста они являются знаками осуждаемого автором вещизма и бездуховности современного мира: *Небо нас осыпает бедами, / Чтобы, гаджеты отключив, / Оглянулись, что мы наделали...* («Стали злыми творцы и гении...») и одновременно обеспечивают фатическую функцию.

С аналогичными целями автор широко привлекает разговорную, просторечную, сленговую и даже бранную лексику (*сожрать, промазать* ‘промахнуться’, *заливать* ‘хвастаться’, *откосить* ‘уклониться’, *разводить* ‘обманывать’, *сколоться* ‘умереть от наркотиков’, *осел* ‘упрямец’, *чес* ‘пустые разговоры’, *морда* ‘лицо’, *бабло* ‘деньги’, *нехилый* ‘высшего качества’, *облезлый, каплю* ‘немного’, *голый зад*. Вот контекст: *Мимо инвалидов и котов облезлых / Едет модный перец с фэйсом бесполезным... // У него стабильность... Папа в депутатах // И диплом нехилый... Он учился в Штатах* («Вещи дорожают... Люди дешевеют...»). Отмечены усечения, характерные для раз-

говорного стиля (*прям с утра, тетя Катя*), демиинутивы (*детки, сердечко, сынишка, деньжата*), нарочитые искажения ударения (*Лондóн*), некорректные грамматические формы: *страна, полная ворами* (вместо *полная воров*) и др. Эту особенность вербально-смыслового уровня исследуемой языковой личности можно рассматривать как своего рода речевую мимирию – стремление подстроиться под собеседника не только на уровне содержания речи, но и на уровне языкового оформления.

Еще одна черта идиолекта И. Самариной – наличие общеупотребительных лексем из прозаической речи: *немытая витрина, игровые автоматы, предоплата, прогноз, финансы, план, карьерный рост, депрессия, паника, стресс, реальность* и др. Такие слова чужды поэзии, кажутся неуместными, снижают качество поэтического образа. Но у Ирины Самариной прозаизмы выполняют текстообразующую функцию, служат противопоставлению обыденного, приземленного и высокого, постигаемого внутренним, духовным зрением (*Ты веришь в Бога? // – Я его не видел... // Я верю в деньги, их я видел точно... // Я верю в план, в прогноз, в карьерный рост...* («Для тех, кто не видел Бога»)), обеспечивают комический эффект (*Он ее выбирал, как преступник свое преступление, / Как картину в кино, как в кредит недостроенный дом...* («Он хотел бы помельче...»)). Такое словупотребление характеризует творчество Самариной как явление массовой культуры, но обеспечивает акцентирование авторских интенций.

Анализ вербально-семантического уровня языковой личности Ирины Самариной иногда выявляет признаки недостаточного владения нормами литературной речи, иногда обусловленные языковой ситуацией билингвизма, в которой живет и работает поэтесса. В текстах автора отмечены нарушения литературных норм: грамматических (*За весной соскучилась земля* (вместо *по весне* или *о весне*); *Автоматы игровые / Последний хлеб крадут с семей...* (вместо *у семей* или *из семей*); *кривотолком* (вместо *кривотолками*)), орфоэпических (*ирисы* вместо *йрисы*), пунктуационных и др. Среди текстов И. Самариной есть такие, которые не всегда заслуживают называться «поэтическими». Поэтесса признается, что «ни-

когда не читала литературу о том, как правильно и профессионально писать стихи» [10], поэтому языковое оформление некоторых ее текстов, несмотря на искренность авторских чувств и мыслей, далеко от совершенства. Это дает основания отнести языковую личность Самариной к среднелитературному типу.

Заклучение

Изучение текстового проявления конкретной языковой личности – Ирины Самариной – позволяет утверждать, что ее творчество и, следовательно, сама поэтесса как языковая личность – специфический феномен, отражающий реальное взаимодействие экстралингвистических и лингвистических факторов. На всех структурных уровнях этой языковой личности обнаруживается этнокультурная, социально-психологическая, психологическая и поведенческо-речевая ее обусловленность. Анализ языковой личности с позиции языкового сознания (когнитивный уровень), речевого поведения (мотивационный уровень) и текстовой деятельности (вербальный уровень) выявляет ее персонологические характеристики как поэта и как представителя массовой литературы. Внутренним посылом к поэтической деятельности для Самариной служит осознание несовершенства современного общества и человека в нем, а также желание пуб-

лично заявить о себе. Активное текстопроизводство является реализацией как присутствующих личности творческих способностей, так и коммерческих интересов. Средствами текстового воплощения индивидуальной поэтической картины мира языковой личности выступают преимущественно автологические (безобразные) лексемы, иногда индивидуально-авторские тропы, но чаще готовые (традиционные общеязыковые и прецедентные) образы. Массовость читательской, главным образом женской, аудитории обеспечивается тематическим репертуаром, привлекательностью этических и эстетических ориентиров творчества, активным интересом автора к миру, но также доступностью ее поэзии в сетях и особым стилем речевого поведения автора. Коммуникативные установки поэтессы выражены не только отчетливо, но даже имеют признаки дидактизма.

На вербально-семантическом уровне в структуре языковой личности И. Самариной представлен общерусский языковой тип, но в типологии языковой личности Самарину следует отнести к среднелитературному типу, т. к. в ее текстах не всегда соблюдается стилистическая дифференциация речевых средств. Таким образом, поэзия Ирины Самариной определяется как русская, женская, массовая.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Асмолов, А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия / А. Г. Асмолов // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* / под общ. ред. А. Асмолова. – М. : ЯСК, 2018. – С. 13–26.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
4. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак. // *Язык. Поэтика. Перевод* : сб. науч. тр. Моск. лингвист. ун-та. – М. : МГЛУ, 1996. – № 426. – С. 112–116.
5. Голев, Н. Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности / Н. Д. Голев // *Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно ориентированное обучение* / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул ; Кемерово : БГПУ, 2006. – С. 7–28.
6. Григорьев, Г. П. Языковая личность в поэтическом творчестве / Г. П. Григорьев // *Гуманитар. науки*. – 2017. – № 4 (40). – С. 72–81.
7. Саморуков, И. И. Массовая литература: проблема художественной рефлексии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / И. И. Саморуков ; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2006. – 24 с.
8. Лотман, Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема / Ю. М. Лотман // *О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993): история русской литературы, теория литературы* / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 2012. – С. 817–826.

9. Петровский, В. А. Наука личности: четыре проекта общей персонологии / В. А. Петровский, Е. Б. Старовойтенко // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. – 2012. – Т. 9, № 1. – С. 21–39.

10. Самарина-Лабиринт, И. Стихотворения [Электронный ресурс] / И. Самарина-Лабиринт. – Режим доступа: <https://stihi.ru/avtor/labirint1>. – Дата доступа: 16.10.2021.

11. Гаврилина, А. А. Роль и место мотивационного компонента в структуре языковой личности / А. А. Гаврилина. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2004. – 180 с.

REFERENCES

1. Benvenist, Ye. Obshchaja lingvistika / Ye. Benvenist. – М. : Progress, 1974. – 448 s.
2. Asmolov, A. G. Psikhologija sovremennosti: vyzovy neopriedielionnosti, slozhnosti i raznoobrazija / A. G. Asmolov // Mobilis in mobili: lichnost' v epokhu pieriemien / pod obshch. ried. A. Asmolova. – М. : YaSK, 2018. – S. 13–26.
3. Karaulov, Yu. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' / Yu. N. Karaulov. – Izd. 7-je. – М. : LKI, 2010. – 264 s.
4. Nieroznak, V. P. Lingvisticheskaja piersonologija: k opriedielieniju statusa discipliny / V. P. Nieroznak // Jazyk. Poetika. Pierievod : sb. nauch. tr. Mosk. lingvist. un-ta. – М. : MGLU, 1996. – № 426. – S. 112–116.
5. Goliev, N. D. Lingvotieoretichieskije osnovanija tipologii jazykovoj lichnosti / N. D. Goliev // Lingvipersonologija: tipy jazykovykh lichnostej i lichnostno orijentirovannoje obuchienije / pod ried. N. D. Golieva, N. V. Sajkovej, Ye. P. Khomich. – Barnaul ; Kiemierovo : BGPU, 2006. – S. 7–28.
6. Grigor'jev, G. P. Jazykovaja lichnost' v poetichieskom tvorchiestvie / G. P. Grigor'jev // Gumanitar. nauki. – 2017. – № 4 (40). – S. 72–81.
7. Samorukov, I. I. Massovaja litieratura: problema khudozhestviennoj riefliksii : avtorief. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.08 / I. I. Samorukov ; Samar. gos. un-t. – Samara, 2006. – 24 s.
8. Lotman, Yu. M. Massovaja litieratura kak istoriko-kul'turnaja problema / Yu. M. Lotman // O russoj litieraturie. Stat'i i issliedovanija (1958–1993): istorija russoj litieratury, tieorija litieratury / Yu. M. Lotman. – SPb. : Iskusstvo – SPB, 2012. – S. 817–826.
9. Pietrovskij, V. A. Nauka lichnosti: chietyrie projekta obshchiej piersonologii / V. A. Pietrovskij, Ye. B. Starovojtienko // Psikhologija. Zhurn. Vyssh. shk. ekonomiki. – 2012. – Т. 9, № 1. – S. 21–39.
10. Samarina-Labirint, I. Stikhotvorienija [Eliكتروнный ресурс] / I. Samarina-Labirint. – Riezhim dostupa: <https://stihi.ru/avtor/labirint1>. – Data dostupa: 16.10.2021.
11. Gavrilina, A. A. Rol' i miesto motivacionnogo komponenta v strukture jazykovoj lichnosti / A. A. Gavrilina. – Stavropol' : Izd-vo SGU, 2004. – 180 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 18.10.2021